

Профессиональное образование
в современном мире. 2018. Т. 8. № 2. С. 1806–1821
DOI: 10.15372/PEMW20180208
ISSN 2224-1841 (печатный)
© 2018 ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ

Professional education in the modern world,
2018, vol. 8, no. 2. pp. 1806–1821
DOI: 10.15372/PEMW20180208
ISSN 2224-1841 (print)
© 2018 Federal State State-Funded Higher
Institution Novosibirsk State Agrarian University

СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УРОВЕНЬ СУБЪЕКТА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

SUBJECT OF ACTIVITY AS A LEVEL OF SUBJECT OF INDIVIDUAL LIFE AND SOME METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PROFESSIONAL EDUCATION

УДК 171

DOI: 10.15372/PEMW20180208

Н. С. Шадрин

*Павлодарский государственный педагогический
университет, Павлодар, Казахстан,
e-mail: nn_shadrin@mail.ru*

Shadrin, N.S

*Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar,
Kazakhstan, e-mail: nn_shadrin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются этапы становления идеи субъекта человеческой жизни в психологии, который является носителем психики, а также источником конечной регуляции (саморегуляции) базовых психологических детерминаций (мотивы, образы, формы общения и действия). Дается представление о внутреннем мире человека, его базовых детерминациях и проявлениях. При реализации психических явлений в большей или меньшей мере манифестируются (разыгрываются) базовые детерминации психики под «управлением» индивидуального субъекта жизни. Предлагается характеристика основных уровней индивидуального субъекта человеческой жизни (человек как индивид, как субъект и как личность). Индивидуальность понимается как интегративное объединение индивида, субъекта деятельности и личности. Особое внимание уделяется понятию субъекта и личности. При этом базовые детерминанты психики (мотив, образ, общение, деятельность) на уровне индивида, субъекта деятельности и личности различаются. Субъект профессиональной деятельности рассматривается как частный случай субъекта деятельности. Предлагается методологический подход к некоторым проблемам профессионального образования. Рассматриваются вопросы становления профессиональной индивидуальности и проблемы ее гармонии и дисгармонии (включая отчуждение личности в трудовой деятельности и ее эмоциональное выгорание).

Ключевые слова: индивидуальный субъект жизни, психологические детерминации, индивид, субъект деятельности, личность, профессиональная индивидуальность, отчуждение, эмоциональное выгорание.

Abstract. The article represents a brief trace of establishment of «subject of life» concept in psychology. The problem of individual subject of humane life is very complicated. The subject of humane life is the bearer of psyche also the issue of final regulation (self-regulation) of basic psychological determinations (motif, edge, communication, activity). The paper begins with rendering internal world of a man, its basic determinations and manifestations. When psychological phenomena are implemented, all basic psychological determinations controlled by the subject of life are manifested to a greater or less extent. The authors continue with the characteristics of basic levels of individual subject of life (the human as an individual, as a subject and as a personality). The individuality is seen as any integrative connection of individual, subject of activity and personality. The authors emphasize the notion of subject and personality. The basic psychological determinations (motive, way, communication, activity) on the level of individual, subject and personality are distinguished. The article shows the subject of professional activities as a form of subject of activities. From these positions, the authors suggest methodological approach to some problems of professional education. The special attention is paid to formation of professional individuality and problems of its harmony and disharmony (including the alienation of personality and her emotional burnout) in the article.

Key words: individual subject of life, psychological determinations, individual, subject of activity, personality, professional individuality, alienation, emotional burnout.

Для цитаты: Шадрин Н. С. Субъект деятельности как уровень субъекта индивидуальной жизни и некоторые методологические проблемы профессионального воспитания // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, № 2. С. 1806–1821.
DOI: 10.15372/PEMW20180208

For quote: Shadrin, N.S. Subject of activity as a level of subject of individual life and some methodological problems of professional education. *Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 1806–1821.
DOI: 10.15372/PEMW20180208

Введение. Понятие субъекта профессиональной деятельности, «субъекта труда» (Б.Г. Ананьев), формирование которого является важной задачей профессионального образования и воспитания, с общепсихологических позиций можно представить как частный случай общей категории *субъекта деятельности*. Но если понятие *личности* вполне интернационально, то понятие *субъекта деятельности* специфично для традиций советской и постсоветской психологии. Здесь оно заняло часть семантического пространства, отводимого в западной психологии понятию личности (И.А. Мироненко) и наряду с понятием индивида имеет почти такой же «удельный вес», как и понятие личности. При этом происходит путаница понятий индивида, субъекта и личности, названная В.П. Зинченко «блужданием в трех соснах» [1]. В западной же психологии индивидные и субъектные параметры психической активности были несколько обеднены и отчасти сведены к личностным. И та, и другая тенденции не только нарушают коммуникацию в мировом сообществе психологов, но и затрудняют четкое понимание ряда ключевых проблем психологии. Это проблема природы индивидуальности и ее дисгармоний, а также истоков отчуждения личности и его форм (например, эмоционального профессионального выгорания) и др.

И.А. Мироненко, выстраивая «переходные мостики» между традициями советской (постсоветской) и западной психологии, указывает, что у Б.Г. Ананьева, существенно повлиявшего на советскую психологию, «развитие человека выступает... в трех подчеркнутах разведенных (курсив наш.– Н.Ш.) планах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций *индивида*;
- становления деятельности в истории развития человека как *субъекта* труда, познания и общения;
- жизненного пути человека – истории *личности*» [2, с. 151].

Правда, у самого Ананьева *субъект* ставился отчасти *выше личности*. Так, в его работе «Человек как предмет познания» сначала рассматриваются науки об индивиде, потом о субъекте и лишь затем о личности; кроме того, анализ «структуры личности» у него фактически является плацдармом для анализа «структуры субъекта деятельности» [3].

В западной традиции (уже у Декарта) *субъект* – это обычно характеристика некоего *целого* (например субстанции) как производителя, носителя каких-либо действий и свойств. У Гегеля фигурирует идея *субстанции-субъекта*, причем у него *вся* духовная сфера жизни общества оказывается одновременно и субстанцией («то, из чего образуется все»), и субъектом (изменений). У К. Маркса же часто встречаются такие понятия, как «субъект, человечество» (*das Subjekt, die Menschheit*), «общественный организм, общественный субъект» [4, с. 21, 22], «субъект – общество» [4, с. 39] и т.д. (В более полном виде эти формулировки можно найти на языке оригинала в источнике [5, S. 7, 8, 22].) Также Маркс характеризует капитал (определяющий момент анализируемой им системы экономических отношений) как «автоматически действующий субъект». Все это демонстрирует похожий взгляд на проблему субъекта.

В советской и постсоветской психологии *индивидуальная* деятельность и *субъект* этой деятельности (субъект труда и т.д.) мыслятся уже как нечто, «производящее все изменения» в окружающем предметном мире и социуме, что связано с *высокой оценкой* роли человека труда, творческой, продуктивной деятельности человека и содержит некоторые позитивные моменты! Если у Маркса рабочий скорее не субъект труда, а лишь «живой труд», подчиненный капиталу (что характеризует отчуждение рабочего), то в советской традиции предполагалось, что работник *уже* является *субъектом трудовой деятельности*, творцом всех материальных и духовных благ и в известной мере новых форм общественных отношений.

В постсоветский период у А. Г. Асмолова мы встречаем идею о том, что деятельность есть база «конструирования разнообразия миров» человека [6], что выглядит не очень убедительно. Ведь основой культурного многообразия человеческих миров является не только деятельность (тем более индивидуальная), но и, допустим, ландшафтные и климатические условия жизни людей, их история и т.д.

Необходимо в какой-то мере отказаться от традиции *преувеличения* роли и субъекта деятельности, наблюдавшейся в советской и отчасти в постсоветской психологии, *утверждая в качестве высшего уровня активности индивидуального субъекта жизни именно личность*, способную «повелевать» активностью человека как *субъекта* деятельности и как *индивида*. При этом деятельность выступает не «как существование» (А. Г. Асмолов), а как особая форма *существования*, потенциально соотносительная социальному бытию (не объекту!). *Личность* занимает более или менее ответственную позицию в этом бытии согласно экзистенциальной психологии. Однако значимость и относительную *самостоятельность* уровней индивида и субъекта – и это для нас принципиальный момент – следует учитывать в полной мере!

Постановка проблемы. Роль общей *категории субъекта индивидуальной жизни* в понимании порождения и развития психики у животных и человека просматривалась в духовно-научной психологии В. Дильтея и Э. Шпрангера, а затем и у советских и постсоветских психологов (А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев, К. А. Абульханова-Славская, А. А. Крылов и др.). В. Дильтея, Э. Шпрангера относят к отцам «духовно-научной» (*Geistwissenschaftliche*, по Шпрангеру) или в вольном переводе «гуманитарной» психологии, но понятия *жизни* и *индивидуального субъекта жизни* для них *ключевые*. При этом нельзя не отметить опору концепций этих авторов на некоторые идеи «философии жизни» Шопенгауэра и Ницше. Так, по В. Дильтею, психическая жизнь – это момент «жизни» вообще. Современник Э. Шпрангера М. Цоллингер увязывал решение «проблемы индивидуальности личности» у этого психолога с его методом «наблюдения жизни» человека [7, S. 47].

По А. Н. Леонтьеву, психика – *продукт развития жизни*. «Если психика не есть только чисто субъективное явление, не только “эпифеномен” объективных процессов, но представляет собой свойство, имеющее *реальное значение в жизни*, то *необходимость ее возникновения определяется развитием самой жизни*. Психика не просто “прибавляется” к жизненным функциям организмов, но, возникая в ходе их развития, дает начало *качественно новой высшей форме жизни – жизни, связанной с психикой* (курсив наш. – Н.Ш.), со способностью отражения действительности» [8, с. 17–18]. Для понимания «необходимости возникновения психики» нужно исходить «из анализа самой жизни» [8, с. 17]. Отсюда становится ясной важная роль понятия «субъекта жизни» для психологии. Однако здесь таится опасность преувеличения роли *деятельности* в жизни живого существа, ибо А. Н. Леонтьев увязывает *любые* формы жизненных отношений субъекта с *деятельностью* (причем предметной!). По его словам, «специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т.е. активное, отношение субъекта (жизни. – Н.Ш.) к действительности, мы будем называть... процессами деятельности». Она понимается как *предметная*, а ее предмет – как нечто «противостоящее (нем. *Gegenstand*), сопротивляющееся..., то, на что направлен акт...» [8, с. 24]. Но *жизненная* активность – это не только предметная деятельность, но и общение, а также взаимопомощь, наблюдающаяся уже у высших животных. Животное борется также и за «жизнь» своего *вида* (а не только за свою жизнь в предметно-деятельном взаимодействии со средой). По Ницше, жизнь индивидуума *связана* с другой такой же жизнью, хотя у него «высшая» жизнь подавляет жизнь другого, властвуя над ней («воля к власти»).

А. Н. Леонтьев, считая первичной формой психики *чувствительность*, подчеркивал, что «главным, решающим для возникновения чувствительности условием является переход от жизни в однородной среде к жизни в более сложной среде дискретных предметов» [8, с. 29]. Все это предполагало более широкую идею о том, что *на уровне личности, как и на уровне субъекта предметной деятельности* порождение «высших психических функций» человека должно быть обусловлено влиянием *особой*, значимой для человека *социокультурной среды*, активное *вхождение* в которую происходит в ходе интериоризации – превращения деятельностного содержания культуры в содержание психического отражения. При этом большую роль играет *общение* ребенка и взрослого в процессе их совместно-разделенной деятельности.

Мир психических явлений (внутренний мир человека) как предмет психологии. Не следует абсолютизировать положение о роли *субъекта жизни* в определении характера психической реальности, психическую реальность можно определить как сферу психических явлений, а психологию – как *науку о психических явлениях* (И. Н. Карицкий). Однако *психические явления изучаются нами, психологами, не «вообще», а вкупе с их особыми детерминациями*. Это особое целое (психические явления вместе с их особыми детерминациями) может быть названо *внутренним миром человека*, ибо *мир* в любой его конкретной форме предстает как *пространство явлений и событий и лежащих в их основе детерминаций определенного типа*. Поэтому правомерна точка зрения современных авторов (В. Д. Шадриков, В. А. Мазилев, Н. С. Шадрин и др.), считающих психологию наукой о *внутреннем мире человека* (об этом подр. см.: [9; 10]).

Внутренний мир человека (предмет психологии) выступает как «воспринимаемое» в ходе самонаблюдения **пространство особых явлений и событий, связанных с относительно автономной саморегуляцией активности субъекта человеческой жизни как индивида, субъекта и личности в природной, предметной и социальной среде**. Эта саморегуляция не носит непосредственного характера, а разыгрывается путем «задействия» и комбинирования коррелирующих с природным и социокультурным миром базовых (и производных от них) детерминант психического, таких как **мотивы, образы, формы общения и деятельности**. Если бы психика не разворачивалась перед нами как *особое пространство* явлений, событий и их детерминаций, то психические явления *не были бы наблюдаемы в принципе*, в том числе путем *самонаблюдения* как одного из основных (по мнению И. Н. Карицкого и других психологов) методов психологии. (Развернутое интервью с И. Н. Карицким по данному кругу проблем опубликовано в журнале *The Unity of Science* [11]. Ведь все, что не дано в каком-то пространстве, – не наблюдаемо!)

Каждая из упомянутых базовых психологических детерминант зафиксирована в виде базовой категории психологии. Их совокупность была выявлена и раскрыта еще М. Г. Ярошевским – это мотив, образ, формы деятельности (действия) и общения и, наконец, сама личность как ипостась субъекта жизни [12, с. 17]. *Содержательно* каждая такая категория предстает в виде большого круга конкретных ее *проявлений*, репрезентированных в частных понятиях (вспомним, как разнообразны виды мотивов!), выступающих *детерминантами* психических явлений в том смысле, что они *являются их причинными факторами или же определяют их качественную специфику*. В этом и выражается *объяснительный потенциал* указанных категорий психологии, в силу наличия которого они как раз и *фиксируют базовые детерминанты* психического. (Отметим, что сам термин «базовая детерминанта» отсылает к принципу детерминизма в психологии.)

Выделение в субъекте индивидуальной жизни *трех уровней* (индивид, субъект деятельности и личность) позволяет ввести вслед за В. И. Кабриным представление о внутреннем мире человека как о *единстве трех уровней миров* (мир индивида, мир субъекта деятельности и мир личности), на каждом из которых, на наш взгляд, разыгрываются те же самые базовые психологические детерминанты (мотивы, образы, формы деятельности и общения), имеющие, однако, существенную специфику на каждом из этих уровней (см. ниже). Здесь также возникает перспектива *раскрытия особенностей форм регуляции (саморегуляции) психических явлений и их детерминант со стороны субъекта жизни на уровне индивида, субъекта деятельности и личности*. Так, *субъектная саморегуляция* выступает как *произвольная и непроизвольная, личностная* – как *волевая и личностно-смысловая* и т. д. Все эти моменты освещены в наших работах [9; 13, с. 67–76; 14].

Упомянутая саморегуляция на *высших* стадиях развития личности *может* обретать характер *самодетерминации*, о которой говорили Э. Деси и Р. Райан (хотя еще раньше о самодетерминации в форме «самодействия» и «самоопределения» писал С. Л. Рубинштейн ([15, с. 288], который, кстати, говорил и о «человеке как субъекте жизни».) Но *самодетерминация полноценно реализуется лишь вне ситуации отчуждения*. Отчужденная личность ничего не определяет в своей жизни (включая и психическую жизнь) свободно, «самотно», от своего лица. (Кстати, термин *self* можно осмыслить одновременно как «личность», «самость» и «сущность».) К тому же самодетерминация, как и истина, не возникает, «как выстрел из пистолета» (Гегель), а *сама детерминирована* предшествующим развитием и формированием ряда *необходимых условий* (Е. Е. Соколова). Понятно, что то, что является детерминантой для какого-то явления, само может выступать как какое-то яв-

ление (и наоборот). Но здесь важно не остаться «в кругу» мира психического, в силу чего принцип Шпрангера «психическое через психическое» отчасти не срабатывает.

Схема общей структуры психических детерминаций. Внутренний мир человека в его целом представим как **многоуровневое** образование. В. И. Кабрин, опираясь на Б. Г. Ананьева, различает **мир индивида**, **мир субъекта деятельности** и **мир личности** (впрочем, к этому он добавляет также и мир организма, особый статус которого у него не очень ясен, но обнаруживает сопряжение с миром индивида [16]).

Понятно, что на всех трех уровнях мира человека упомянутые базовые детерминанты (мотивы, образы, общение, деятельность) имеют не только свою специфику, но и какие-то общие характеристики. Так, *мотив* можно понимать как *побудитель* деятельности человека, придающий активности человека какую-то *направленность, энергетику* и т.д. *Образ* же предстает как модель предмета, ситуации, фрагмента мира или же мира в целом, которая ориентирует человека, причем различают сенсорные образы (образы ощущений и восприятий) и сложные интеллектуальные образы (мыслительные модели окружающего мира) и т.д.

В связи с заявленным нами пониманием предмета психологии как внутреннего мира человека логично детализировать категориальное видение его базовых детерминант на разных уровнях психического (табл.).

Таблица

Внутренний мир человека, его базовые психологические детерминанты и их основные уровни

Уровни человека как субъекта жизни	Базовые психологические детерминанты внутреннего мира человека на каждом из уровней индивидуальной жизни				Уровни миров человека
Личность	Мотивы 3	Образы 3	Общение 3	Действие 3	Мир личности
Субъект деятельности	Мотивы 2	Образы 2	Общение 2	Действие 2	Мир субъекта деятельности
Индивид	Мотивы 1	Образы 1	Общение 1	Действие 1	Мир индивида

Обрисует теперь разные уровни и формы проявления индивидуального субъекта человеческой жизни (жизнедеятельности).

Индивид, субъект и личность. индивидуальность: уточнение понятий. Согласно основателю антропологического подхода в психологии Б. Г. Ананьеву и его последователям психология есть *психология человека*. При этом сущность психики не сводима к сущности человека, но последнюю надо учитывать, когда мы говорим о человеке как субъекте жизни, являющемся носителем психики и одной из важных ее детерминант. (Сущность психики выражают такие ее широко известные функции, как регулятивная, отражательная/когнитивная, интегративная (В. А. Ганзен), ориентировочная.)

Человек (в том числе личность) – это в первую очередь не «психика» (и даже не «дух»), а *существо, субъект индивидуальной жизни*, имеющий *три уровня*, или три стороны. Это, во-первых, телесно-биологический *индивид*, во-вторых, *субъект предметной деятельности* и, наконец, *личность*. Правда, у Б. Г. Ананьева фигурировал сперва индивид, потом личность и, наконец, субъект деятельности, но сути дела это не меняет [3].

Индивид – это человек как *природное* существо, являющееся лишь потенциально человеком, интегрирующееся как целое в среду его обитания и реагирующее на нее путем активации организма и слаженной, интегрированной перенастройки его систем (*individo* означает «неделимый»). По А. Н. Леонтьеву, «индивид как целостность – это продукт биологической эволюции, в ходе которой происходит не только процесс дифференциации функций, но также и их интеграции, их взаимного «слаживания»... Индивид – это прежде всего генотипическое образование, фиксирующее принадлежность к виду «человек». Но это не только новорожденный, ибо «его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе...» [17, с. 173–174]. Индивид выражает *природно-потенциальную сторону человеческой сущности* в ходе становления многоуровневой индивидуальности.

В «Науке логики» *исходную возможность, потенцию* сущности любого формообразования Гегель связывал с ее *основанием*, характеризуя его словами «стремление или напряжение монады, энтелехия абсолютно простой сущности» в контексте проблемы «жизненного» противоречия данного формообразования.

Основу «жизненности» человека как индивида (потенциального субъекта и личности!) нельзя мыслить как вещь, тело и т.д. По Гегелю, основание любой формы жизни (включая духовную) есть *жизненное* основание, а значит, и *жизненное* противоречие, но это «не то же противоречие, что вещь». «Абстрактное тождество с собой (прочность, устойчивость вещи и т.п. – Н.Ш.), – писал Гегель, – не есть жизненность... Нечто жизненно, только если оно содержит в себе противоречие и есть та сила, которая в состоянии вмещать в себе это противоречие и выдерживать его... Если оно не способно иметь в самом себе противоречие, то оно не живое единство, не основание и погибает (*geht zu Grunde*) в противоречии» [18, с. 66].

Жизненное противоречие индивида в том, что он сталкивается с *неживым*, с объектами и должен на *оптимальном уровне* активности реагировать на их совокупность. *Одновременно* «изначальный» индивид (новорожденный) «запускает» на соответствующем уровне активности (в зависимости от степени состояния голода, дискомфорта и т.д.) *выразительные движения*, а также *реакции плача, смеха*, сложившиеся эволюционно и *ориентированные на присутствие личности взрослого*. (Ибо лишь взрослые могут помочь ему справиться с большим числом непростых жизненных ситуаций!). В конце новорожденности появляется реагирование на лицо взрослого («реакция оживления») – первая форма личностно-ориентированного (со стороны ребенка) эмоционального общения. (Здесь на ум невольно приходит идея изначальной «доминанты на лице другого» А. А. Ухтомского.)

Наличие такого «двойного» реагирования – недифференцированная реакция на *неживые* объекты (предметный мир человека) и вначале тоже недифференцированная коммуникативная реакция на *мир взрослых* (на *живых* представителей рода «человек») – является *достаточным основанием* (потенцией) «жизненности» индивида в окружающей среде, основой его развития и превращения далее в субъект и личность.

В изначальных реакциях смеха, плача у человека один из основателей антропологии Г. Плеснер видел момент «эксцентричности» человеческой сущности (в ее биологических основах). По словам П. П. Гайденко, «в таких человеческих проявлениях, как смех и плач Плеснер видит выражение эксцентрической позиции человека» [19, с. 105]. Действительно, уже у маленького ребенка плач не обусловлен *только* состоянием его внутренней среды, а ориентирован на присутствие *личности взрослого* вовне. (Есть дети, перестающие плакать при устранении дискомфорта и старающиеся лишней раз не беспокоить взрослого своим плачем, но есть дети, продолжающие плакать очень долго, «показывая себя».)

Недифференцированный характер *реакций индивида*, несформированность у него целесообразных предметных действий с момента рождения и *готовность воспринять* содержание активности, присутствующее в культуре, есть также проявление «эксцентричности» сущности человека, ее *природно-потенциального* характера на уровне индивида, *преобразующегося* затем в реальный субъект различных видов деятельности.

В целом в индивиде важна активность, выражающая «самостоятельную силу реакции» (А. Н. Леонтьев) на различные факторы среды обитания, что служит потенцией дальнейшего самоосуществления человека. По А. Н. Леонтьеву, здесь «речь идет о возникающих сплавах врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения» [17, с. 174].

Аналогична и точка зрения Б. Г. Ананьева. По его словам, «внутренние зависимости между природными свойствами (механизмами реагирования. – Н.Ш.) опосредованы зависимостями индивида от условий внешней среды (социальной, биологической, абиотической)», которая выступает как среда его обитания вообще, но эти зависимости «определены общей морфо-физиологической организацией человека как вида», сложившейся в эволюции, хотя это не исключает роли индивидуально-типических вариаций организации природы человека, выражающихся в свойствах темперамента, в задатках, в возрастных и половых особенностях функционирования нервной системы, коры больших полушарий и т.д. [3, с. 68]. Здесь особо значимы *свойства нервной системы*, такие

как подвижность, уравновешенность, работоспособность (или «сила»), лежащие в основе *темперамента* (И. П. Павлов, Б. М. Теплов, В. Д. Небылицын). Так, *подвижность* нервных процессов, характерная для сангвиника, обеспечивает быструю перестройку работы всех систем в ответ на внешние воздействия. *Уравновешенность* нервных процессов обеспечивает то, что при развитии возбуждения оно не «зашкаливает» и компенсируется торможением. В проявлениях темперамента имеет также значение *тип конституции*, ибо, по Э. Кречмеру, человек астенического телосложения реагирует на изменчивость мира иначе, чем атлетик или циклотимик и т.д.

Индивидуальные механизмы реагирования сопряжены и с системой *образов-сигналов*, несущих информацию о состоянии внутренней среды организма (ощущение голода, боли, дискомфорта и т.д.), о перспективах сохранения безопасности человека в окружающей среде. Эта информация включает в действие «*блок активации*» мозга, стимулирующий работу всего организма, что выливается в соответствующее поведение. (Теория «трех блоков мозга» разработана А. Р. Лурией и Е. Д. Хомской.)

Понятно, что реагирование организма *как целого* на индивидуальном уровне сопряжено и с *психическими* процессами. Так, эмоция обеспечивает «почти мгновенную» перестройку работы всех систем организма (П. К. Анохин), поэтому к индивидуальному уровню относят и такие свойства темперамента, как реактивность, эмоциональная возбудимость и т.д. Если активность человека как индивида и как личности есть та или иная форма *интеграции* в окружающий мир, то для субъекта более характерна *дифференцированная активность* (В. А. Ганзен), направленная на овладение *многообразия* мира человеческих предметов. Вот почему на уровне индивида мы застаем также *природные задатки*, являющиеся *потенцией* формирования *специальных способностей* и освоения соответствующих *дифференцированных* способов деятельности субъекта с предметами.

Субъект деятельности – это человек как носитель какой-либо предметной деятельности, ее умелый «реализатор» и исполнитель, как *деятельное существо*, преобразующее предметы с участием других людей посредством орудий и средств деятельности, созданных человеческой цивилизацией. (Как мы полагаем, удачной «амплификацией» ананьевского понятия «субъект деятельности» может стать впоследствии понятие «субъект социокультурных форм (способов) активности в предметной среде».) Если в человеке как *индивиде* проявляется *природно-потенциальная сторона сущности человека*, то в *субъекте деятельности* выступает момент ее *активного утверждения в предметном мире*, создаваемом и используемом человеком, который становится миром разнообразных предметно-деятельных «человеческих сущностных сил» (К. Маркс).

Совокупность предметно выраженных «человеческих сущностных сил», способностей, потенциалов представляет собой огромное (хотя и размытое в своих границах) богатство, которое реально «действует» и «срабатывает» в совокупности общественных отношений, а *отдельному* индивиду дано как *сущность* его жизненной активности (как целое) лишь *потенциально* (как то, что должно быть освоено в ходе культурного развития человека).

Конечно, любая сущность рано или поздно «вступает в существование» (Гегель), перерастая стадию оснований, потенциалов, условий и т.д. «Вступление» человеческой сущности в индивидуальную форму существования означает «снятие тотальности опосредствований, имеющих место в основаниях и условиях развития сущности» (Н. С. Шадрин). Однако условием опоры личности на разнообразные факторы и условия ее жизни, включая деятельность субъектов, является ее интеграция уже не в природную среду, а в *совместный социальный мир людей*, или *Mitwelt*, в терминологии Г. Плесснера. Этот последний «несет личность (в другом переводе – «приподнимает личность»), которая одновременно формируется им» [20, с. 131–132]. Личность проявляет себя тогда, когда включается в этот совместный мир *ответственно, интегрируя плоды своей деятельности (субъектной активности) с продуктами деятельности других людей и социальных групп* для обеспечения их более или менее гармоничного со-существования (и *определения* в этом контексте *своего* существования!).

Итак, **личность** – это форма индивидуального субъекта жизни, *гармонично включающаяся (интегрирующаяся) в свое существование в различные формы совместного социального бытия людей и способная (вне отчуждения) ответственно, от своего лица решать его проблемы и задачи*. Экзистенциальная и гуманистическая психология, ухватившая суть личности, на что указывает известный историк психологии А. Н. Ждан, понимает личность как «экзистенцию» – форму изна-

чально локализованного, «фактического» существования, устремленную к бытию в целом (точнее, к *смыслу* этого бытия) [21, р. 30, 137]. Правда, теоретики этого направления зачастую не замечали *иерархии* самого бытия (высший уровень которого *социальный*, а ниже лежат бытие живых организмов и физико-химических процессов), на которую указывает, например, С. Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» [15, с. 295].

В анализе личности нельзя не учитывать и ее *социологические* характеристики: социальный статус, социальные роли, функции, нормы поведения в социуме. Конечно, личность не сводима к набору социальных ролей и функций, хотя и плохое исполнение человеком своих функциональных обязанностей не говорит о высоком развитии его личности! Важно и то, что обычная социальная роль может подниматься до уровня «миссии» (А. Н. Леонтьев), а социальный статус стать не только целью карьерных устремлений, что бывает довольно часто, но и условием реализации ответственной позиции личности в какой-то области жизни и т.д. Недостаточное внимание к *социальному* (высшему) уровню бытия в экзистенциализме отчасти затемняет феномен «абсолютной ответственности» (соответственно, свободы) личности, о которых он столь выразительно говорит.

Ответственность как характеристика личности. Рассуждая в «Бытии и ничто» о проблемах свободы и ответственности личности, Сартр отмечает, что ни одно общественное событие, возникшее внезапно и увлекшее меня, не приходит *извне*. Например, «если я пошел на войну, чтобы избежать смерти или бесчестия (вследствие обвинения в дезертирстве.— Н.Ш.), все происходит так, как если бы я нес полную ответственность за эту войну. Без всякого сомнения, другие декларируют ее (эту ответственность.— Н.Ш.) и возможно даже попытаются рассматривать меня как простого соучастника». Однако понятие соучастника (военных) преступлений здесь не может быть использовано в юридическом смысле слова. «...Ибо зависело только от меня то, что, *хотя ради меня и посредством меня эта война не существует, но я решил, что она существует* (курсив наш.— Н.Ш.)» [21, р. 640]. Я был бы соучастником войны в *юридическом* смысле, если бы был одним из ее *организаторов* (то есть она существовала бы «посредством меня») или лицом, отдавшим *приказ* начать войну или даже лицом, побудившим издать такой приказ (тогда она существовала бы «ради меня»). Но Сартр глубоко прав, что *на личностном уровне понятие юридической ответственности далеко не исчерпывает всех ее форм*.

Известно, что *некоторые аспекты* сущности человека Маркс понимал как «совокупность всех общественных отношений». Однако, принимая *ответственность* как одну из стержневых характеристик *личности*, нельзя уже утверждать, что *сущность личности якобы и есть совокупность хотя бы некоторых общественных отношений, увязанных в ее живой активности и реализуемых ею*. (Такому взгляду отчасти отдавал предпочтение А. Н. Леонтьев и другие психологи, а также автор этих строк!). Строго говоря, у Маркса **нигде не говорится**, что совокупность определенных общественных отношений характеризует *именно сущность конкретной личности*. Маркс утверждал лишь, что «сущность человека (родовая.— Н.Ш.) не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности (in seiner Wirklichkeit) она есть совокупность всех общественных отношений» [22, с. 262], то есть в 6-м тезисе о Фейербахе он определял не сущность человека как таковую (проблема любой антропологии), а лишь *один ее аспект*, «человеческие сущностные силы», причем *лишь в их действительности* и реальном действии (Wirken) в общественных отношениях, что соответствует *не личностному, а скорее субъектно-деятельному* уровню бытия человека. *Функционер* социальных отношений (каких бы то ни было) не есть личность! Увы, сейчас «то, что выступает под названием “психология личности” есть, как правило, исследование социального функционера, который и выдается за личность» [23, с. 110].

Уже в конце советского периода психолог В. В. Давыдов возразил Б. Г. Ананьеву и другим авторам, по мнению которых субъект характеризуется совокупностью деятельностей (что в целом верно), а личность – совокупностью общественных отношений (что уже сомнительно). По его словам, «следует иметь в виду, что любая конкретная деятельность *субъекта* (индивида) осуществляется (даже по Марксу.— Н.Ш.) лишь в системе вполне определенных общественных отношений» [24, с. 29]. То есть общественные отношения – это *скорее субъектно-деятельный уровень жизни (и сущности) человека, а не личностный!* (Правда, не надо забывать, что в трактовке Маркса *субъектом*, в широком смысле этого слова, экономических отношений современного ему *отчуж-*

денного общества является сила капитала, а не рабочий, который, видимо, не рассматривается им даже как субъект труда.)

Соответственно, обязательства человека при реализации общественных отношений в ходе деятельности – форма «специальной ответственности» человека (М. М. Бахтин) как субъекта, но *еще не личностной ответственности*, по крайней мере, в высших ее формах! Идеи экзистенциальной философии и психологии об ответственности (и свободе) личности как *главнейшей* характеристике ее бытия *достаточно актуальны и по сей день*. Кстати, они были по-своему преломлены и в высказываниях Рубинштейна о личности в конце 1950-х годов, включая и его фундаментальную работу «Человек и мир». Так, по Рубинштейну, «человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия, максимум “партийности” по отношению ко всему общественно значимому» [15, с. 246]. А. Г. Асмолов, развивая похожее понимание, отмечал, что «чем больше перед личностью возможности выбора, тем очевиднее становится то, что сама личность выбирает, отстаивает ту или иную социальную *позицию*, которая затем определяет деятельность этой личности» [25, с. 335].

В *существовании* личности, выступающем как ее *со-существование* (М. Бубер), проявляется поэтапная, более или менее ответственная интеграция *во все более широкие* социокультурные общности людей и сферы социокультурного пространства. Это, например, общность *поселения*, а затем и *региона*, в которых проживает человек, общность соответствующей *этнической группы* и наконец, *цивилизационная социокультурная общность*. Концепция «локальных цивилизаций», к числу которых относят западноевропейскую, евразийскую, мусульманскую, китайскую и другие цивилизации, была разработана О. Шпенглером, А. Тойнби и П. А. Сорокиным (США), а также русскими учеными-евразийцами. Попытка анализа ключевых идей евразийства, а также особенностей евразийской ментальности предпринята в работе И. Н. Карицкого и В. Ф. Петренко [26].

То, что личность обретает свое существование в **интеграции** своего активно-деятельного существования с другими личностями в контексте более или менее широких социокультурных миров, согласуется с некоторыми идеями одного из пионеров теории личности К. Левина. Развивая в американский период творчества свою *топологическую* парадигму мира личности и ее мотивации, он ввел идею совместного «социального пространства» (*social space*) группы, понимаемого как **пространство со-существования** и практического взаимодействия членов группы в условиях конкретных «групповых атмосфер» и стилей лидерства. Основным выводом его работы «Resolving Social Conflicts» (1948) можно считать то, что именно в атмосфере демократических групп (которую он неслучайно характеризует как «интегративную») *интегративная составляющая существования личности* находит свое наиболее полное воплощение по сравнению с авторитарной и либерально-попустительской атмосферой (последняя не имеет никакого отношения к демократии).

Так, в знаменитых экспериментах Левина и его учеников в условиях авторитарной (автократической) атмосферы «каждый ребенок становился потенциальным врагом каждого другого, и их энергетические поля (power fields) ослабляли друг друга вместо взаимного усиления посредством кооперации» [27, р. 80]. Это не создавало адекватных предпосылок для самореализации личности и ее индивидуальности. Наоборот, «при демократической атмосфере каждый индивид (*individual*) демонстрировал (showed) гораздо большую индивидуальность, имея в своем распоряжении некоторое поле (field) активности, несмотря на наличие более широкого «мы», действующего среди них...» [27, р. 79]. Отчасти похожее понимание «со-участной» природы деятельного существования личности мы видим и у М. Бубера. Оно звучит так: «Личность осознает себя как участвующую в бытии (прежде всего, в социальном.– Н. Ш.), как сосуществующую и через это – как существующую» [28, S. 76].

Итак, базовой характеристикой личности является ее *ответственность*, наличие осознанной, «соучастной» *позиции* в совместном *социальном бытии людей и его формах*, о чем по-разному говорили не только экзистенциальные психологи, но и С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов и др. При этом мотивы, образы, формы общения и деятельности 3-го уровня (см. таблицу) и производные от них психологические детерминации и их проявления составляют *внутренний мир личности*.

Уточнив понятия индивида, субъекта деятельности и личности, можно абрисно раскрыть *отличие всех базовых детерминаций психического* (мотивов, образов, форм общения и т.д.) *на уровне*

мира индивида, мира субъекта и мира личности, которые демонстрирует таблица. Так, *мотивы* индивидного уровня (мотивы 1) предстают, в частности, как физиологические потребности (хотя они могут быть в особом виде представлены, «отражены» и на уровне личности, но это уже другая сторона дела), примером мотивов субъектного уровня (мотивы 2) может служить профессиональная мотивация, формирующаяся в профессиональном (трудовом) воспитании, а вариантом мотивов личностного уровня, обеспечивающих «вписывание» личности в различные виды социальных общностей (мотивы 3) могут служить конвенциональные нормы поведения, а на высшем уровне развития личности – ее ценности и т.д. *Образ* же на индивидном уровне предстает скорее как ориентирующий сигнал, на субъектном – как образ предмета деятельности или предметной ситуации (то, что больше исследовалось в советский период), на личностном – как «образ мира или его фрагментов» (речь идет, прежде всего, о социальном мире); к образам мира на высшей, ценностно-ориентированной стадии личности можно отнести также «модель должного» (по А. Маслоу) и т.д.

Проблема индивидуальности в психологии. В работах наших психологов часто путаются рассмотренные выше понятия **индивида, субъекта и личности**, что, как мы помним, было остроумно названо В. П. Зинченко «блужданием в трех соснах». В сферу этой путаницы мы бы добавили еще и понятие **индивидуальности**, так что можно уже говорить о «блуждании в четырех соснах». Так, *определяя индивидуальность как совокупность отличительных особенностей личности, тут же говорят, что они присутствуют и на индивидном уровне активности (темперамент и т.д.)!*

Учитывая, что *гармония частей* (а также уровней) *целого* – ведущее свойство индивидуальности (В. М. Бехтерев, Б. Г. Ананьев), мы понимаем **индивидуальность** как *относительно гармоническое единство трех уровней активности субъекта жизни – индивида, субъекта деятельности и личности*. По А. Г. Асмолову, создатель учения об индивидуальности Б. Г. Ананьев понимает под ней «интегративное целостное объединение “индивида”, “личности” и “субъекта деятельности”...» [25, с. 157].

Конкретные психологические свойства на уровне *индивида* (на индивидном срезе индивидуальности) традиционно осмысливаются как *темперамент* и *задатки*, на уровне *субъекта деятельности* – как *способности* (на что обратили особое внимание В. И. Кабрин и автор этих строк), а на уровне *личности* – как ее *характер* и *ценности*, если она достигает соответствующего уровня развития. (Ценности имеют отношение уже к *ядру личности*.)

Хотя на *этих трех срезах со временем должно выявиться гораздо большее число психологических сторон и качеств индивидуальности*, включая те, о существовании которых мы пока не подозреваем! Так, уже сейчас можно сказать, что к субъектно-деятельностному уровню относятся *механизмы восприятия 3-мерного пространства (глубины)*, что является условием успешной предметно-преобразующей деятельности субъекта, а также способность к реализации *интерактивной стороны общения* – условие эффективной совместно-разделенной деятельности и т.д.

Понимание *мира индивидуальности* как «интегративного объединения» мира индивида, мира субъекта деятельности и личности (то есть как «мира миров») фактически реализуется в ключе подходов постнеклассической психологии, которая сейчас находится пока в состоянии становления. Постнеклассическая психология содержит две наиболее общих идеи – понимание мира человека, личности как «мира миров», а также введение ценностей в состав объяснительных моделей (В. С. Степин, Л. А. Никитич).

Процесс *генезиса индивидуальности* мы бы предложили назвать (с учетом некоторых идей К. Г. Юнга, а отчасти и современного психолога О. П. Елисеева) *индивидуацией* или даже просто *индивидуализацией* (здесь мы пока не будем вникать в различия этих двух терминов). Новорожденный как «чистый» индивид не есть индивидуальность! Процесс индивидуации (индивидуализации), то есть становление относительно гармоничной индивидуальности, начинается именно с уровня индивида («индивиды индивидуализируются»), но *лишь тогда*, когда мир индивида уже начинает *объединяться (интегрироваться)* с формирующимся миром субъекта деятельности (он характеризуется, например, индивидуальным стилем деятельности и т.д.), а затем и личности.

Поскольку внутренний мир индивидуальности проявляется «в оболочке» ее *жизненного мира* (отчасти регулируя его события и т.д.), то гипотетически возможна трактовка *экстраверсии* и *интроверсии* (выделяемых у того же Юнга и в современной соционике) как большей или меньшей

меры «повернутости» активности индивидуального субъекта жизни на его внутренний мир или же на его «внешний» жизненный мир.

Понятно, что существование процесса индивидуации путем «сплавления» мира индивида с миром субъекта и далее с миром личности *не отменяет* относительной самостоятельности этих миров и разных вариантов отношений между ними. Конечно, Асмолов отчасти прав, что «при резком разведении личности на различные “триады”» (хотя тут надо говорить о разведении на «триады» *не личности, а именно индивидуальности*, о чем, собственно, пишет и сам Асмолов!) зачастую «возникают некоторые затруднения» [25, с. 157], но нельзя не видеть и преимуществ этого подхода!

Кстати, Э. Шпрангер как бы «сплющивает» трехуровневую активность субъекта жизни, в целом приподнимая ее «вверх» и *сводя скорее к активности на личностном уровне*, который, в свою очередь, *возвышается до духовного, ценностного уровня*. Затем он предусмотрительно вводит представление об особом «экономическом» («хозяйственном»), *ценностном типе*, применимом (с натяжкой) к массе обычных прагматиков, утилитаристов и «материалистов», оговаривая, впрочем, что «хозяйственные ценности стоят ниже всего (am tiefsten), а религиозные ценности – выше всего (am höchsten)» [29, S. 317]. В итоге сама активность личности на ценностно-ориентированном уровне снижается, хотя бы отчасти, до утилитарных моментов!

Учет специфики субъектного уровня активности в профессиональном обучении и воспитании. Прежде всего **сами истоки указанных четырех базовых психологических детерминаций**, которыми «со-управляет» субъект жизни, переходя с одного уровня своей активности на другой, различны на трех уровнях его активности, что требует определенного учета в ходе профессионального обучения и воспитания.

Что касается *мира индивида*, то его психологические детерминанты связаны с *биологическим миром-пространством существования человека как организма, со средой его обитания* (сейчас сильно измененной техногенными воздействиями, но еще пригодной для жизни человека на этом уровне), с *механизмами реагирования* на ее факторы, сложившимися в эволюции, поэтому тут они имеют *скорее биологическую природу*. В то же время содержание и направленность базовых психологических детерминаций на уровне *мира субъекта и мира личности «вычерпывается» в ходе развития человека в основном из «большого» мира культуры*. Интересно, что такое «вычерпывание» всех психических содержаний субъекта и личности из мира культуры *происходит в ходе разыгрывания самих детерминаций внутреннего мира* (психика *развивается в общении и деятельности*, но свою роль здесь играют и образы мира, и побуждения к деятельности и т.д.). Тут важны процессы интериоризации культуры (Л. С. Выготский), которая не есть источник жестких детерминаций, а выступает как *«приглашающая сила»* (В. П. Зинченко) *для человека как субъекта и личности*, не определяя в его активности на 100% ничего. (В этом плане и А. Г. Асмолов говорит о роли «механизмов неопределенности» в культуре.)

Особо следует акцентировать **социокультурную природу** всех базовых психологических детерминаций (мотивов, образом мира, форм общения и деятельности) **на уровне субъекта деятельности** (который, как нам кажется, может быть точнее охарактеризован как *субъект социокультурных способов (форм) активности в предметной среде*). Поскольку в ходе развития субъект превращается в субъект *профессиональной деятельности*, то истоком содержания всех его базовых детерминаций (мотивов, образов и т.д.) становится трансляция соответствующих культурных содержаний в профессиональном обучении и воспитании. Так, в профессиональном воспитании формируются *мотивы профессиональной деятельности: их содержание коренится именно в профессиональной культуре людей как субъектов соответствующей деятельности, а не «извлекается» из личности обучаемого или преподавателя*, ибо это мотивы субъектно-деятельностного, а не личностного уровня!

Это важно понять, ибо мы сейчас склонны всегда и везде ставить во главу угла личность, ее запросы, стремления и т.д. На самом деле при формировании профессиональной мотивации, мотивов-норм профессиональной деятельности и т.д. в условиях вуза (поскольку этот процесс там также реализуется) надо делать упор на использовании нравственного и профессионального *опыта профессионалов*, с которыми студент может взаимодействовать в ходе профессиональных практик и т.д. Впрочем, к преподаванию могут привлекаться и профессионалы, имеющие соответствующее

образование и ученую степень, становящиеся, таким образом, трансляторами профессионально-деятельностной мотивации (профессиональных норм и т.д.).

Основная масса преподавателей вузов как «передатчиков профессионально ориентированных знаний» могут обеспечить в основном формирование (на научной основе) *образов* предметного мира и картины мира в целом (в области конкретной профессиональной деятельности). Детерминанта *образов* – не только сенсорных, но и интеллектуальных – относится, как мы видели, к числу важных детерминант психической активности, обеспечивающих правильную ориентировку человека в той или иной сфере, чем пренебрегать отнюдь нельзя! Задачей профессионального воспитания и обучения может быть и привитие *конкретных умений профессионального общения*, коренящихся в условиях взаимодействия людей в профессиональной сфере (даже чисто предметных), а не имеющих некую «личностную» природу!

Проблема генезиса гармоничной индивидуальности профессионала на базе взаимодействия индивидного, субъектного и личностного уровней активности. Оговоримся сразу, что сейчас могут быть намечены лишь определенные подступы к данной проблеме.

Из предыдущего изложения ясно, что **основную** роль в профессиональном обучении играет активность обучаемого (а частично и обучающего) как **субъекта деятельности**, хотя, если ставить задачу формирования *профессиональной индивидуальности*, то здесь определенную «подпитку» должна создавать активность индивидного и личностного уровней. Отметим, кстати, что к лозунгу «формирования личности профессионала» надо относиться с осторожностью, ибо в сферу личности в силу упомянутой выше путаницы понятий сейчас обычно включают и активность на уровне индивида и субъекта (по принципу «в человеке все сводимо к личности»).

Если уж говорить об особом внимании к уровню **личности**, то здесь надо вести речь о формировании *особой (высшей) ответственности* профессионала, связанной с реализацией норм поведения, касающихся не просто предметных результатов деятельности (это уровень субъекта деятельности!), а важных аспектов *со-существования людей в более широком контексте социального бытия* (то, что характеризует именно личность). Это может связано, к примеру, с формированием *подлинно-личностной* ответственности специалиста в плане предупреждения опасных для жизни людей производственных ситуаций, различных техногенных катастроф, а также с мобилизацией специфических *личностных ресурсов* в таких ситуациях.

Вообще «сплавлению» форм активности индивида, субъекта и личности при формировании целостной и гармоничной индивидуальности уделяется пока лишь фрагментарное внимание. Примером становления важных аспектов *индивидуальной активности* в профессиональной сфере путем *интеграции мира индивида и мира субъекта деятельности* может служить формирование гармонического единства свойств нервной системы и типа темперамента (уровень индивида) и индивидуального стиля трудовой деятельности (уровень субъекта деятельности). Эти моменты были прослежены в известных исследованиях Е. А. Климова по формированию *индивидуального стиля деятельности ткачих-многостаночниц* – флегматиков, сангвиников и т.д.

Что касается «интеграции» личностного и субъектного уровней активности, то одной из ее форм могут быть *профессиональные ценности*, которые, как и всякие ценности, являются проявлением *личности* (на достаточно высоком уровне ее развития) и в то же время, на наш взгляд, имеют прямое отношение к *субъекту* профессиональной деятельности. Приближенность профессиональных ценностей к *относительно низкому* субъектно-деятельностному уровню делает их отчасти похожими на те «экономические» или «хозяйственные» ценности, о которых говорил Шпрангер, но, учитывая некорректность шпрангеровского понятия экономических ценностей в целом (М. С. Каган), мы предлагаем заменить его широкой категорией *профессиональных ценностей*.

Акцентируя (пока, к сожалению, больше в постановочном плане) проблему становления гармоничной индивидуальности профессионала, нельзя забывать о постоянном действии механизмов, порождающих ее *дисгармонии*, включая и достаточно резкие.

Дисгармонии индивидуальности и отчуждение личности в профессиональной сфере. К сожалению, до сих пор слабо акцентированы опасные *редукционистские тенденции* в жизни индивидуальности, которые вскрываются при заявленном подходе. Эти тенденции отчасти раскрывает Д. А. Леонтьев, отмечая, что «нас постоянно манит искушение субчеловеческим (индивидный уровень активности.– Н.Ш.) – ведь субчеловеческие формы существования оказываются менее

энергозатратными, более легкими, более привлекательными как путь наименьшего сопротивления» [30, с. 129]. Синдром *эмоционального профессионального выгорания*, более или менее изученный в психологии, также относится к числу резких дисгармоний индивидуальности, по сути связанных с феноменом *отчуждения личности*.

Идеи философов о «смерти человека» в современном мире, мыслимом как тотальность «мертвых душ» и рутинных, бессмысленных дел, представляются отчасти преувеличением, хотя и отражают реалии современных социумов и жизни индивидов. Выражения «психическая смерть», «мертвое сознание», «фантомное сознание» (по аналогии с «фантомной конечностью»), предложенные Г. С. Абрамовой, довольно *емки* и *содержательны*, но они не означают *полную остановку психической жизни* на всех уровнях активности человека, что было бы нелепым. Синдром *эмоционального профессионального выгорания* также не релевантен *полной* психической смерти человека при совершении какой-то деятельности. Ведь она продолжает как-то регулироваться, если не личностным «Я» (и соответствующими личностными смыслами), то хотя бы субъектно-деятельностным «Я» (ибо тут сохраняется хотя бы рутинная исполнительская активность), а также индивидным «Я» (ибо, реализуя активность, потерявшую *личностный* смысл, субъект может побуждаться *мотивами-стимулами* в форме материально-бытовых, физиологических и других потребностей).

Изучение эмоционального выгорания предполагает анализ рассмотренной ранее *многоуровневой* системы регуляции активности человека. Приведем примеры широко известных тестов на эмоциональное выгорание.

Тест «Профессиональное (эмоциональное) выгорание», разработанный на основе трехфакторной модели К. Маслач и С. Джексон и адаптированный Н. Е. Водопьяновой и Е. Старченковой. Он включает три шкалы: 1) эмоциональное истощение; 2) деперсонализация; 3) редукция личных достижений [31].

Тест на «эмоциональное выгорание» В. В. Бойко включает три шкалы: «*напряжение*», «*фезистенция*» (эмоционально-нравственная дезориентация; расширение сферы экономии эмоций; редукция профессиональных обязанностей и др.); «*истощение*» (эмоциональная отстраненность; личностная отстраненность (деперсонализация) и др.).

Хотя в этих методиках частично фиксируется дистанцирование личности от субъектно-деятельностного уровня активности («деперсонализация», «редукция профессиональных обязанностей», «личностная отстраненность» и т.д.), но такая фиксация носит скорее фрагментарный характер. К тому же эти проявления не увязываются с *более фундаментальным феноменом отчуждения личности*, имеющим весомые социокультурные предпосылки.

Под *отчуждением личности* можно понимать устойчивое состояние «захваченности» *мотивов, образов* и других личностно-психологических структур (детерминаций) отдельными факторами (условиями) воспроизводства его существования в социуме, ведущее к *личностному* дистанцированию человека от целых областей социального бытия и потере ответственной активности в этих областях, несущих внутренние и/или внешние потенции его собственного развития. При этом *субъектная* и *индивидная* регуляция психической (и, соответственно, жизненной) активности человека *сохраняются*, что не позволяет говорить о некой «абсолютной» психической смерти человека в ситуации отчуждения.

В такой ситуации, *теряя* свою ответственную личностную позицию в труде и передавая ее «внешнему агенту отчуждения» (авторитарный лидер, «добрый» начальник-покровитель и т.д.), человек с подлинно-личностного уровня опускается до уровня *простого субъекта* этой деятельности, механического *исполнителя* (чужих решений). Это обеспечивает ему получение нужных благ и «более полную» реализацию жизни *на индивидном уровне* (в форме удовлетворения его базовых потребностей, выступающих «мотивами-стимулами»). Кстати, удивляет, что в объемной «Психологии личности» того же А. Г. Асмолова (2007) нет анализа проблемы *отчуждения* (и дисгармоний индивидуальности) хотя бы в фроммовском его понимании!

Процесс «выгорания» предполагает, как мы видим, передачу личностной регуляции (саморегуляции) *внешнему агенту отчуждения*, который, по сути дела, *заинтересован* в этом процессе, чего не вскрывают упомянутые выше подходы. Кроме того, термин «эмоциональное выгорание» отчасти неудачен; он как бы слишком мягок, ибо вуалирует *остроту* отчуждения личности. Получается, что человек вначале заинтересованно относился к работе, потом его «заела текучка», он

«подустал», в конце концов, «ему все надоело» и «он эмоционально выгорел», работая лишь «для галочки».

Однако феномен «выгорания» как *форма* отчуждения должен быть фундаментальным и иметь во многом «неотвязный» характер. По Сартру, «человек не может быть то свободным, то поработанным (отчужденным.— Н.Ш.): он весь целиком (*tout entire*) и в каждый момент времени свободен – или он не имеет бытия вовсе» [21, р. 516]. Предпосылки возникновения «эмоционального выгорания» (как формы отчуждения) можно обнаружить (выявить психологическими методами) уже в студенческий период! Кстати, в ранней версии теста на одиночество Е. Н. Осина и Д. А. Леонтьева (43 вопроса) присутствовала и шкала «отчуждение» [32].

Выводы.

1. В истории психологии и философии при осмыслении природы и характера психического проблема «жизни» и самого *индивидуального субъекта жизни* вставала неоднократно (идеи «философии жизни» Шопенгауэра и Ницше, их развитие в трудах Дильтея и Шпрангера, понимание психики как продукта развития «жизни» в работах А. Н. Леонтьева и т.д.).

2. В ключе развития и трансформации антропологического подхода в психологии можно выделить такие базовые уровни субъекта жизни, как индивид, субъект деятельности (который можно осмыслить более широко как субъект социокультурных способов активности в предметной среде) и, наконец, личность; при этом базовые детерминанты психического (мотивы, образы, формы общения и способы деятельности) на каждом из этих уровней обретают определенную специфику, отчасти раскрытую в нашей работе.

3. Если в силу исторических причин в советской и постсоветской психологии понятия субъекта деятельности и индивида имеют почти такую же значимость, как и понятие личности (хотя происходит постоянная путаница понятий индивида, субъекта и личности), то в западной психологии имеет место некоторая редукция индивидуального и субъектно-деятельностного начала к личностному, что нарушает взаимопонимание в мировой психологии.

4. Индивидуальность можно представить как «интегративное объединение» индивида, субъекта деятельности и личности. Частным случаем субъекта деятельности является субъект профессиональной деятельности, а особой формой индивидуальности – «профессиональная индивидуальность».

5. В связи со сказанным в психологии профессионального обучения и воспитания возможна поставка (и отчасти раскрытие путей разрешения) таких проблем, как формирование гармоничной индивидуальности в профессиональной сфере, проблема природы ее наиболее резких дисгармоний, проблема отчуждения личности в процессе труда, включая синдром профессионального эмоционального выгорания и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Zinchenko V. P.** Wandering in broad daylight or Personal melancholy. Saarbruecken, LAMBERT Academic Publishing, 2016. 144 p.
2. **Мироненко И. А.** Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010. № 1. С. 149–155.
3. **Ананьев Б. Г.** Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
4. **Маркс К.** Экономические рукописи 1857–1861 гг.: в 2 ч. М.: Политиздат, 1980. Ч. 1. 564 с.
5. **Marx K.** Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin: Dietz Verlag, 1953. 1102 S.
6. **Асмолов А. Г.** Историко-эволюционная парадигма конструирования разнообразия миров: деятельность как существование // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 3–11.
7. **Zollinger M.** Srtukturpsychology // Schweizerische pädagogische Zeitschrift. 1923. № 2(33). S. 44–51.
8. **Леонтьев А. Н.** Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 496 с.
9. **Шадрин Н. С.** Внутренний мир человека как предмет психологии и некоторые особенности «описательной» и «понимающей» психологии // Pedagogy & Psychology. Theory and practice. 2015. № 2. С. 78–82.
10. **Шадрин Н. С.** Уровни субъекта жизни и природа психической реальности: к постановке проблемы // Pedagogy & Psychology. Theory and practice. 2017. № 1. С. 77–80.
11. **Карицкий И. Н.** Интервью журналу «The Unity of Science» // The Unity of Science. 2017. № 1. С. 156–158.
12. **Ярошевский М. Г.** История психологии. М.: Мысль, 1985. 575 с.

13. **Шадрин Н. С.** Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении и путях его преодоления: монография. Саарбрюкен: Изд-во LAMBERT Academic Publishing, 2016. 144 с.
14. **Шадрин Н. С.** Потерянный и возвращенный мир: Об отчуждении личности и путях его преодоления. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014. 124 с.
15. **Рубинштейн С.Л.** Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.
16. **Кабрин В. И.** Антропологическая судьба субъекта // *Методология и история психологии*. 2010. № 1. С. 52–69.
17. **Леонтьев А. Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
18. **Гегель Г.В.Ф.** Наука логики: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2. 248 с.
19. **Гайденок П. П.** Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М.: Наука, 1978. 368 с.
20. **Плесснер Х.** Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию [Электронный ресурс] // Проблема человека в западной философии: переводы. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000877/st000.shtml> (дата обращения: 12.01.2018).
21. **Sartre J.-P.** L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique. Paris: Gallimard, 1943. 722 p.
22. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. 536 с.
23. **Арсеньев А. С.** Кризис психологии и творческий путь С.Л. Рубинштейна // *Методология и история психологии*. 2008. № 4. С. 109–114.
24. **Давыдов В.В.** О понятии личности в современной психологии. // *Вопросы психологии*. 1988. № 4. С. 22–32.
25. **Асмолов А. Г.** Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
26. **Карицкий И.Н., Петренко В. Ф.** Евразийство и национальная идентичность // *Евразийская ментальность / под общ. ред. В. Ф. Петренко, И. Н. Карицкого*. М.: Информполиграф, 2012. С. 21–48.
27. **Lewin K.** Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics. N.-Y.: Happer & Brothers publishers, 1948. 289 p.
28. **Buber M.** Ich und Du. Köln: Verlag Jacob Henger, 1966. 160 S.
29. **Spranger E.** Lebensformen. Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkei. Tübingen: Max Niemeyer, 1966. 450 S.
30. **Леонтьев Д.А.** Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии*. 2010. № 3. С. 120–140.
31. **Психодиагностика.** Личностные и профессиональные качества / авт.-сост. О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. Ростов на/Д: Феникс, 2012. 495 с.
32. **Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.** Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // *Психология. Журнал высшей школы экономики*. 2013. № 1. С. 55–81.

REFERENCES

1. **Zinchenko V.P.** [*Wandering in broad daylight or Personal melancholy*]. Saarbruecken, LAMBERT Academic Publishing, 2016, 144 p. (In Russian)
2. **Mironenko I.A.** [Subject and personality: on the correlation of concepts]. *Methodology and history of psychology*, 2010, no. 1, pp. 149–155. (In Russian)
3. **Ananiev B.G.** [*Man as a subject of knowledge*]. St. Petersburg: Piter Publ., 2002, 288 p. (In Russian)
4. **Marx K.** [*Economic manuscripts of 1857–1861: in 2 hours*]. Moscow: Politizdat Publ., 1980, part 1, 564 p. (In Russian)
5. **Marx K.** [*Floor plans of the critique of political Economy*]. Berlin: Dietz Verlag Publ., 1953, 1102 p. (In Germany)
6. **Asmolov A. G.** [Historical and evolutionary paradigm of designing the diversity of worlds: activity as existence]. *Questions of psychology*, 2008, no. 5, pp. 3–11. (In Russian)
7. **Zollinger M.** [Struktur psychology]. *Swiss-pedagogical magazine*, 1923, no. 2(33), pp. 44–51. (In Germany)
8. **Leontiev A.N.** [*Problems of development of mentality*]. Moscow: Publishing house of the APN RSFSR Publ., 1959, 496 p. (In Russian)
9. **Shadrin N.S.** [Internal human world as a subject of psychology and some peculiarities of «descriptive» and «understanding» psychology]. *Pedagogy & Psychology. Theory and practice*, 2015, no. 2, pp. 78–82. (In Russian)
10. **Shadrin N.S.** [Life levels of the subject and nature of psychoreality: setting the problem]. *Pedagogy & Psychology. Theory and practice*, 2017, no. 1, pp. 77–80. (In Russian)
11. **Karitskiy I.N.** [Interview to journal «The Unity of Science»]. *The Unity of Science*, 2017, no. 1, pp. 156–158. (In Russian)
12. **Iaroshevskiy M.G.** [*History of psychology*]. Moscow: Mysl Publ., 1985, 575 p. (In Russian)

13. **Shadrin N.S.** [*Lost and found world: on the alienation of a person and its overcoming*]. Saarbruecken: LAMBERT Academic Publishing, Academic Publishing Publ., 2016, 144 p.
14. **Shadrin N.S.** [*Lost and found world: on the alienation of a person and its overcoming*]. Omsk: OmSTU Press Publ., 2014, 124 p. (In Russian)
15. **Rubinstein S.L.** [*Problems of General Psychology*]. Moscow: Pedagogika Publ., 1973, 424 p. (In Russian)
16. **Kabrin V.I.** [Anthropological fate of a subject]. *Methodology and history of psychology*, 2010, no. 1, pp. 52–69. (In Russian)
17. **Leontiev A.N.** [*Activity. Consciousness. Personality*]. Moscow: Politizdat Publ., 1975, 304 p. (In Russian)
18. **Gegel G.V.F.** [*Logics*], vol 2. Moscow: Mysl Publ., 1971, 248 p. (In Russian)
19. **Gaidenko P.P.** [*The newest directions of philosophic problems in Germany*]. Moscow: Nauka Publ., 1978, 368 p. (In Russian)
20. **Plessner Kh.** [Steps of the organic and a human. Introduction into philosophic anthropology]. *Human problem in western philosophy*. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000877/st000.shtml> (accessed 12.01.2018).
21. **Sartre J.-P.** [*Being and nothingness. Esse ontology phenomenological*]. Paris: Gallimard Publ., 1943, 722 p.
22. **Marx K., Engels F.** [*Compositions*]. Moscow: Politizdat Publ., 1974, vol 42, 536 p. (In Russian)
23. **Arseniev A.S.** [Psychological crisis and creative way of S.L. Rubenstein] *Methodology and history of psychology*, 2008, no. 4, pp. 109–114. (In Russian)
24. **Davydov V.V.** [On the personality in modern Psychology]. *Problems of Philosophy*, 1988, no. 4, pp. 22–32. (In Russian)
25. **Asmolov A.G.** [*Psychology of personality*]. Moscow: Moscow state University Publ., 1990, 367 p. (In Russian)
26. **Karitskiy I.N., Petrenko V.F.** [Eurasian studies and national identity]. *Eurasian mentality*. Moscow: Informopoligraf Publ., 2012, pp. 21–48. (In Russian)
27. **Lewin K.** [*Resolving Social Conflicts. Selected Papers on Group Dynamics*]. N. Y.: Happer & Brothers publishers Publ., 1948, 289 p.
28. **Buber M.** [*I and You*]. Kln: Verlag Jacob Henger Publ., 1966, 160 p. (In Germany)
29. **Spranger E.** [*Life-Forms. The spirit of scientific psychology and ethics of the Persian lights*]. Tbingen: Max Niemeyer Publ., 1966, 450 p.
30. **Leontiev D.A.** [Personality in an unpredictable world]. *Methodology and history of psychology*, 2010, no. 3, pp. 120–140. (In Russian)
31. [*Psychodiagnosics. Personal and professional qualities*]. AVT-comp. O. N. Istratov, T.V. Exacusto. Rostov on Don: Phoenix Publ., 2012, 495 p. (In Russian)
32. **Osin E.N., Leontiev D.A.** [Differentiated questionnaire of overcoming loneliness: structure and features]. *Psychology. Journal of Higher Economic School*, 2013, no. 1, pp. 55–81. (In Russian)

Информация об авторе

Шадрин Н. С. – доктор психологических наук, профессор, Павлодарский государственный педагогический университет (Павлодар, Казахстан, e-mail: nn_shadrin@mail.ru).

Принята редакцией: 14.01.18

Information about autor

Shadrin N.S. – Doctor of Psychology, Professor Pavlodar State Pedagogical University (Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: nn_shadrin@mail.ru).

Received: January 14, 2018